

Андреас Умланд,
ассоциированный профессор германских и европейских
исследований программы ДААД, Германия;
профессор Киево-Могилянской академии,
г. Киев, Украина

**Почему мы так мало знаем про «Свободу»?
Четыре причины отсутствия исследований
по правоэкстремистским организациям
в постсоветской Украине**

Поразительно, как мало внимания политическая наука пока уделяла радикальному национализму в поздне- и постсоветской Украине. Эта проблема касалась исследований не только неукраинских постсоветологов, но и украинских обществоведов, как историков, так и политологов, в равной мере украинистов, изучающих постсоветское общество, и компаративистов международного правого экстремизма — на протяжении вот уже четверти века. Откуда такое странное академическое невнимание к казалось бы важной теме постсоветской эпохи и ввиду взрывоопасности феномена релевантному вызову для европейской безопасности?

Одной мнимой причиной длительного игнорирования был ограниченный успех украинских крайне правых партий на национальных выборах Украины до октября 2012 г. Эта особенность до недавнего времени резко отличала Украину от многих сопоставимых с ней стран, таких как Польша, Словакия, Румыния, Венгрия, Болгария, Сербия или Россия. В связи с этим в течение первых двадцати лет относительного политического плюрализма в Украине, т. е. примерно с 1989 г. по 2009 г., о современном радикальном национализме было опубликовано всего лишь несколько более или менее глубоких аналитических работ, в основном на английском языке.

Только после поразительного успеха Всеукраинского объединения «Свобода» на местных и региональных выборах 2009–2010 гг. данная тема привлекла повышенный интерес специалистов по политике Украины, а также со стороны украинского общества в целом.

С тех пор количество сначала журналистских, а затем и академических публикаций об украинском постсоветском правом радикализме стремительно растет. Сейчас готовятся специальные журнальные выпуски об историческом и современном украинском радикальном национализме в изданиях *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* (Айхштетт, Бавария), *Russian Politics and Law* (Российская политика и право, Вашингтон) и *Communist and Post-Communist Studies* (Коммунистические и посткоммунистические исследования, Беркли).

К тому же параллельно возникает отдельный, своеобразный пласт пропагандистской, публицистической и/или дилетантской антиукраинской литературы об украинском национализме при иногда явной поддержке российских структур или промосковских сил. Хотя они иногда предъявляют интересную (правда, часто искаженную) информацию и поэтому не должны полностью игнорироваться, к текстам, высказываниям и конференциям этих самопровозглашенных «антифашистов» стоит относиться осторожно.

В любом случае существенное опоздание в возникновении исследований постсоветских украинских правоэкстремистских организаций вряд ли объясняется только относительным электоральным неуспехом соответствующих групп до региональных выборов в Тернопольской области весной 2009 г. И в предыдущий период, т. е. до того как «Свобода» приобрела общенациональную известность, можно было изучать не только целый ряд более или менее радикальных этнонационалистических организаций и групп, преимущественно имеющих свою базу в Западной Украине, как, например, Социал-национальную партию Украины (СНПУ), Конгресс украинских националистов (КУН) или Украинскую национальную ассамблею — Украинскую народную самооборону (УНА-УНСО).

К разряду своеобразных реакционно настроенных и откровенно антилиберальных партий, помимо ряда мелких панславистских организации («Русский блок», «Родина» и др.), стоит отнести и неверно названую Прогрессивно-социалистическую партию Украины (ПСПУ), которая была популярна и представлена в ряде региональных и местных советов Восточной и Южной Украины в течение многих лет. ПСПУ как пророссийская радикально националистическая сила играла на национальном уровне заметную политическую роль до

и после 2000 г., когда у партии была небольшая фракция в Верховной Раде, а ее лидер Наталья Витренко претендовала на роль серьёзного кандидата в Президенты Украины. В определенном смысле ещё более значительную Коммунистическую партию Украины тоже можно отнести к этим всего лишь условно левым партиям Украины, для которых не только и не столько их социально-экономическая доктрина, сколько их ориентация на Москву и некую общерусскую, восточно-славянскую, евразийскую или т. п. цивилизацию являются главными идеологическими прерогативами. Исследования панславистских разновидностей радикального национализма в Украине еще менее развиты, чем изучение этноцентристского украинского экстремизма.

Если же рассматривать концепцию политического экстремизма в более широком смысле, то первоочередным заданием исследований украинского антизападничества, постсоветского авторитаризма и откровенного антилиберализма был бы анализ идеологии и риторики Партии регионов или, по крайней мере, части дискурса и деяний сегодняшней правящей партии Украины. В 2011 г. Тарас Кузио (Торонто) в своей англоязычной статье «Советские конспирологические теории и политическая культура Украины», например, предложил рассматривать Януковича не только как клептократического диктатора, но и как последователя и пропагандиста неосоветской, антиамериканской теории заговора для объяснения «оранжевой революции» [6]. Недавно Михаэль Мозер (Вена) в своей оригинальной англоязычной монографии «Языковая политика и дискурс о языках в Украине при Президенте Викторе Януковиче» детально продемонстрировал высокий заряд парадоксальной украинофобии в культурной и образовательной политике первых двух с половиной лет президентства Януковича [7].

Таким образом, длительное относительное невнимание к проблеме постсоветской политической ксенофобии и конспирологии в Украине со стороны украинских историков и политологов, а также со стороны международного сообщества славистов и специалистов по правому радикализму и интегральному национализму вызывает удивление. Можно выделить среди прочих четыре причины сложившейся неудовлетворительной ситуации, которые частично касаются состояния исследований правоэкстремистских тенденций и в некоторых

других посткоммунистических странах Восточной Европы и Западных Балкан.

1. Слаборазвитость украинистики.

Первая и, пожалуй, наиболее веская причина почти полного отсутствия научной литературы об украинских крайне правых заключается в том простом факте, что история, общество и политика Украины в целом являются плохо исследованными. Академическая украинистика представляет собой непропорционально малую субдисциплину восточноевропейских исследований в общем и посткоммунистических — в частности. Это печальное состояние дел является конечно же отражением низкого статуса Украины и украинского языка в западном и незападном обществах в целом.

Для сравнения, россиеведение, включающее как советологию, так и исследования до- и посткоммунистического периодов российской истории, представляет собой относительно хорошо развитую дисциплину, в которую входят сотни более или менее продуктивных штатных и нештатных исследователей и комментаторов по всему миру. Сообщество видных международных экспертов по Украине, напротив, является небольшим клубом нескольких десятков часто изолированных специалистов в Европе и Северной Америке, которые в основном играют незначительную роль в своих научных дисциплинах, таких как славистика, политология или история. В настоящее время во всем мире есть только два значительных центра по исследованию Украины: Украинский исследовательский институт Гарвардского университета (HURI) в Кембридже в штате Массачусетс и Канадский институт украинских исследований (CIUS) в Эдмонтоне в провинции Альберта.

Стандартные регионоведческие центры по изучению Евразии и/или Восточной Европы исследовательских университетов по всему миру зачастую уделяют мало внимания украинским темам. Количество западных периодических научных изданий, специализирующихся на Украине, за последние годы несколько выросло, но их все еще мало («*Journal of Ukrainian Studies*», «*Harvard Ukrainian Studies*», «*Journal of Ukrainian Politics and Society*», «*Ukraine-Analysen*» и др.). И это несмотря на то, что Украина по своей территории является самой большой страной, полностью располагающейся в Европе. Имея более 45 млн. жителей, Украина также является демографически

значимым европейским государством. Более того, она представляет собой сегодня в чем-то решающую страну на постсоветском пространстве. Успех или же неуспех государственного и национального строительства в Украине, равно как и ее участия в процессах европейской интеграции, будет иметь далеко идущие последствия за пределами Украины, прежде всего в России и Беларуси, но также в определенной мере на Южном Кавказе и в Средней Азии. Судьба молодого Украинского государства будет в значительной мере определять стабильность и устойчивость новой европейской системы безопасности, возникшей после окончания «холодной войны».

Тем не менее, спустя более двадцати лет после приобретения независимости, Украина остается третьестепенной темой в международной журналистике, политике, научной и культурной жизни. Украинский часто считается «малым» языком в филологии, в подготовке переводчиков, литературоведении и культурологии. По этим причинам и политика, и в меньшей степени история Украины оказываются недостаточно исследованными. В настоящее время почти полное игнорирование постсоветского украинского правого радикализма является, таким образом, лишь следствием печального положения дел в международной украинистике в целом.

2. Деформация постсоветской политологии

Развитие посткоммунистической, в том числе и украинской политологии происходит не только медленно, но частично и, на наш взгляд, в неверном направлении. Постсоветские научные исследования политической жизни страдают от того, что политология как академическая дисциплина в советский период на протяжении многих десятилетий отсутствовала [8]. Проблема не просто в том, что сообщество политологов бывшего Советского Союза по большей части состоит из ученых, которые, будучи студентами и аспирантами, либо не изучали политическую науку вообще, либо изучали ее под руководством профессоров, которые, в свою очередь, имели недостаточную обществоведческую подготовку. Возможно главным вызовом постсоветской политологии является не столько определенный недостаток знаний или удивительная абсурдность некоторых подходов («новая хронология», «гумилевщина», оккультная геополитика, этно-политология и т. п.) значительной части вовлеченных ученых, сколько

более глубокое структурное искажение в базовом понимании многих политологов на территории бывшего СССР сути и целей своих исследований.

Часто не полностью осознаваемым, но коренным отличием постсоветской политологии по сравнению с западной политической наукой является то, что многие новоиспечённые политологи бывшего Советского Союза в своё время получали философское и, реже, юридическое образование, а не подготовку в какой-либо наблюдательной науке. Или же они учились под руководством ученых, чьи онтология и методология исследований были сформированы в рамках неэмпирических дисциплин, таких как философия, юриспруденция, математика, логика и т. п. Сегодня не все, но многие из этих политологов учат студентов и оценивают научные работы в соответствии с критериями, которые почерпнуты не из обществоведения или другой эмпирической науки. Источником критериев многих постсоветских политологов скорее является аксиомы нормативной или в лучшем случае аналитической философии, а также в некоторой степени методологии иных неэмпирических дисциплин. Следуя этой традиции, постсоветские политологи имеют склонность воспринимать политические исследования как некое интеллектуальное, оценочное, литературное и/или интерпретационное упражнение, вместо того, чтобы относиться к ним как к наблюдательскому, аналитико-эмпирическому и сравнительному мероприятию.

Многие ученые с подобным бэкграундом не проявляют особый интерес к тонкостям научного дизайна и процедуры проведения систематического сбора, анализа, сравнения и изложения эмпирических данных, будь то качественных или количественных. По нашим наблюдениям, постсоветские политологи относительно редко вовлечены в методологические дебаты о валидности и/или надежности тех или иных обобщений, полученных на основе исторических, статистических, сравнительных и иных целенаправленных исследований какого-либо четкого отрезка эмпирической реальности. Наоборот, они более склонны обсуждать значение той или иной политической гипотезы, исторического сценария, социальной схемы, политологического классика, влиятельного текста или научного термина. Хотя такого рода размышления имеют место как в политической, так и во всякой другой науке, они обычно проходят на краю дисциплины, которая

занимается в первую очередь изучением реального мира, а не рефлексиями относительно своей собственной истории, терминологии и ситуации. В результате этого искажения, с одной стороны, в постсоветской политологии накопился избыток теоретических, философских, историософских, толковательных и концептуальных дискуссий. С другой стороны, есть поразительный недостаток первичных эмпирических исследований не только номотетического, но и элементарного идеографического характера.

Последнее упущение даже относится к политической жизни на родине самих постсоветских политологов. Парадокс в том, что постсоветская политология предлагает множество более или менее оригинальных концептуализаций разных процессов сегодняшней внутренней и международной политики. Однако она это часто делает на базе случайных ссылок на те или иные документы, события, цитаты и т. д. и исходя из описаний реального мира в журналистских или иных ненаучных очерков современной истории. Представители не только старшего, но и молодого поколения постсоветской политологии, таким образом, иногда больше рассказывают о самих себе и о своем личном восприятии мира, чем о предполагаемых предметах своих наукообразных текстов. В связи с этой ситуацией на сегодняшний день многие сферы и аспекты политической жизни на постсоветском пространстве остаются в тени. Большая часть существующих научных описательных, эмпирических и кросс-культурных исследований постсоветской политики были сделаны не сотрудниками российских, украинских и других университетов и академий бывшего СССР, а западными учеными, социологическими службами или же постсоветскими неакадемическими исследователями.

Примечательно, например, что в России подавляющее большинство ценных эмпирических исследований российского правого экстремизма постсоветского периода проводилось двумя гражданскими организациями — Агентством «Панорама» Владимира Прибыловского и Центром «Сова» Александра Верховского и недавно умершей Галины Кожевниковой, которые не имели каких-либо связей с российской академической сферой [5]. Учитывая то, что в Украине нет эквивалентов «Панорамы» или «Совы», в стране пока отсутствует — если не считать несколько социологических опросов [2; 3] — серьезная информационная база данных о правых экстремистах.

Единственным частичным исключением являются годовые отчеты по ксенофобии в Украине Вячеслава Лихачева, который в 1990-х гг. работал в Москве в «Панораме» Прибыловского. Позднее Лихачев переехал в Киев, где до недавнего времени при поддержке Евроазиатского еврейского конгресса и ВААДа исследовал украинский ультранационализм, язык вражды и ксенофобское насилие [1]. Лихачев проделал огромную работу высокого качества. Однако он не имел надлежащего официального академического статуса и долгое время был изолированной фигурой в своей сфере, если не считать некоторых других неакадемических экспертов государственных или негосударственных анти-экстремистских структур в Киеве, таких как Максим Буткевич (Проект «Без Границ») или Яна Салахова (Международная организация по миграции). В результате этой печальной ситуации многие детали подъема правого радикализма в постсоветской Украине, как например, биографии лидеров или история предшественницы «Свободы», Социал-национальной партии Украины, по-прежнему остаются попросту неизвестными.

3. Западная политическая наука и правый экстремизм.

Третьей причиной почти полного отсутствия до недавнего времени значимых научных публикации об украинском постсоветском ультранационализме является низкий статус исследований правого экстремизма в рамках международных общественных наук в целом, за частичным исключением политологии ФРГ (см. ниже). Если изучение фашистских и других правоэкстремистских движений периода до, между и после двух мировых войн является центральным для сообщества академических исследователей новейшей истории Европы, то мейнстрим послевоенной западной политической науки не проявляет ни в своих исследованиях, ни в своей преподавательской деятельности особого внимания к радикальным организациям, включая крайне правые. Так как ультранационалистические группировки играют лишь малую роль в большой политике Западной Европы и Северной Америки, большинство ведущих обществоведческих журналов редко сосредотачиваются на правом экстремизме. Ведущие англоязычные научные журналы в этой области, как например, «*Patterns of Prejudice*» (Конфигурации предрассудка), «*Journal for the Study of Radicalism*» (Журнал изучения радикализма), «*Ethnic and Racial Studies*» (Этнические и расовые исследования), «*Totalitarian Movements and*

Political Religions» (Тоталитарные движения и политические религии), «*Nationalism and Ethnic Politics*» (Национализм и этническая политика) и «*Nations and Nationalism*» (Нации и национализм), имеют в лучшем случае средний статус в западных социальных науках.

Очевидная причина этого пренебрежения — низкое политическое влияние радикальных группировок на принятие общественно значимых решений в послевоенной внутренней политике и сегодняшних международных отношениях Запада. В результате этого общественный спрос на подробное освещение экстремистских тенденций на Западе был и остается ограниченным. Свою роль в относительном игнорировании политического экстремизма в обществоведческом мейнстриме в последние 30 лет сыграл и сдвиг западной политической науки в сторону объяснительных моделей на базе рационалистских аксиом, математических методов и игровой теории, т. е. подходов, которые часто не годятся для информативного изучения и разъяснения идеологии и поведения фанатично настроенных политических деятелей и их электората.

Частичным исключением является Германия, где по понятным историческим причинам существуют относительно большие сообщества (а) по большей части левацких исследователей международного расизма и (б) часто консервативно настроенных исследователей европейского экстремизма, которые выпускают целый ряд периодических изданий. Вероятно, наиболее важным из них является «*Jahrbuch Extremismus & Demokratie*» (Ежегодник экстремизма и демократии), который был основан в 1989 г. и в настоящее время издается Институтом политической науки Кемницкого технического университета и Институтом им. Ханны Арендт Дрезденского технического университета, оба в Саксонии. Однако даже в Германии существует лишь несколько обществоведческих кафедр, в портфолио которых входят исследования международного правого экстремизма. А если такие направления существуют, то они чаще всего сосредоточены на странах Европейского союза.

Вследствие относительной незаинтересованности международных социальных наук в мировом правом экстремизме, они оказались не готовы к подъему и осознанию роли правого экстремизма во внутренней политике и международных отношениях посткоммунистической Восточной Европы. В частности, западная политическая наука

долго не осознавала ту существенную роль, которую обрели ультра-националисты в последние два десятилетия на национальном уровне, особенно в России и Сербии, но также и в несколько меньшей степени в Польше, Словакии, Румынии, Венгрии, а сейчас и в Украине.

4. Националистические симпатии в украинском обществоведении.

Четвертая и наиболее чувствительная причина относительного академического невнимания к этнонационалистическому правому радикализму в Украине относится к структуре как историко-политических исследований в Украине, так и украинистики в США и Канаде, где сконцентрировано наибольшее число исследователей-украиноведов. В североамериканскую школу украинистики входил и входит ряд эмигрантов из Украины, которые либо были связаны с Организацией украинских националистов (ОУН), либо имели/имеют симпатии к ней. ОУН, однако, одновременно и та партия, деяния и идеология которой сегодня являются главными источниками вдохновения украинских этнонационалистических партий, не в последнюю очередь радикальных.

В самой Украине также существует широкий круг историков и обществоведов, которые осознают себя патриотами и склонны смотреть на галицкий и диаспорский культ вокруг ОУН с пониманием или даже с симпатией. Подобное отношение, широко распространенное в среде украинской интеллигенции, усиливается, если не вообще мотивируется демонизацией военного крыла ОУН — Украинской повстанческой армии (УПА) — как в советской пропаганде до 1991 г., так и в сегодняшних антиукраинских российских или пророссийских СМИ. В последние месяцы эта и без того напряженная ситуация еще более обостряется тем, что политтехнологи правящей Партии регионов используют целенаправленную политическую эскалацию вокруг якобы «фашистов» (т. е. проукраинских этнонационалистов) и якобы «антифашистов» (т. е. пророссийских паннационалистов) как инструмент внутренней и международной легитимации авторитарного режима Януковича.

Правда, целый ряд публичных апологетов идеологии и деятельности ОУН демонстративно держат дистанцию с такими организациями, как «Свобода», «Патриот Украины» или УНА-УНСО. Так же стоит отметить, что для некоторых патриотически настроенных обществоведов как внутри, так за пределами Украины, их националистические

взгляды не мешают им с нужным вниманием относиться к современным праворадикальным политическим группам. Но все же, видимо, для многих украинских политиков-демократов, либеральных интеллектуалов, прозападных журналистов и научных исследователей симпатизирующий подход к историческому украинскому радикальному национализму имеет и определенные последствия для их отношения к необандеровскому крылу правого радикализма в сегодняшней Украине. С такой точки зрения, существующие в Украине экстремистские этнонационалистические тенденции воспринимаются как, возможно, чрезмерные, но все же — по крайней мере, частично — понятные, безопасные или даже желательные проявления украинской национальной идентичности и гордости.

Для подобных наблюдателей украинские крайне правые получили легитимность в 1990-е гг. посредством продолжения исторических традиций радикально этноцентристской части украинского освободительного движения советского периода и вовлечения в новые националистические организации посткоммунистической Украины легендарных ветеранов ОУН вроде Славы Стецько (1920–2003), вдовы Ярослава Стецько (1912–1986) или Юрия Шухевича, сына Романа Шухевича (1907–1950) [О некоторых аспектах данного вопроса см.: 4]. Сегодня большая часть украинской интеллигенции с терпимостью или симпатией, а иногда и с восхищением смотрит на «Свободу» как на наиболее радикальную часть оппозиции Януковичу и на предположительно самых эффективных защитников украинской независимости и самобытности в Верховной Раде.

Однако послевоенный проект европейской интеграции, к участию в котором стремится почти вся украинская элита, с самого начала являлся антинационалистическим. Он в первую очередь был ответом на ультранационалистические эксцессы в Европе первой половины XX в. и, в отличие от чуть ранее созданного североатлантического альянса, только во второй степени — антисоветским проектом. Тем не менее, популярным ответом многих украинских прозападных интеллектуалов на критику украинского национализма — даже его самых ксенофобских исторических и сегодняшних проявлений — был и остается тот, что такие разоблачения находятся в русле идеологии не Европейского, а Советского Союза, и выражают не западные, а российские предпочтения. Отсюда и множество недоразумений в отношениях украинской

элиты с официальными представителями Брюсселя и стран ЕС (особенно Польши), а также Израиля. По всей видимости заметный дефицит критического анализа «Свободы» и схожих партий связан с таким особым подходом к украинской политике со стороны патриотически настроенных историков, социологов и политологов, как в Украине, так и в среде украинской эмиграции на Западе.

В качестве соредатора баварского научного русскоязычного интернет-журнала «*Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*» я, пользуясь возможностью, приглашаю подавать к рассмотрению для возможной публикации статьи, содержащие детальные эмпирические исследования разных аспектов деятельности украинских радикально националистических организаций — не в последнюю очередь тех, которые исповедуют пророссийские взгляды.

Список источников и литературы

1. Мониторинг ксенофобии [Электронный ресурс] // Евроазиатский Еврейский Конгресс. URL: <http://eajc.org/page443> (дата обращения 2.07.2013).
2. Панина Н. В. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2006. № 1 (81). С. 26–38.
3. Паниотто В. И. Динамика ксенофобии и антисемитизма в Украине (1994–2007) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 1. С. 197–214.
4. Панченко В. Г. Легализация и деятельность ОУН в Украине в течение 1990-х гг. [Электронный ресурс] // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2011. Вип. XXX. С. 38–41. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Npifznu/2011_30/panchenko.pdf (дата обращения 9.08.2013).
5. Arnold R. Field Note: Moscow's SOVA Center // Problems of Post-Communism. 2010. Vol. 57. № 6. P. 55–58.
6. Kuzio T. Soviet Conspiracy Theories and Political Culture in Ukraine: Understanding Viktor Yanukovich and the Party of Regions // Communist and Post-Communist Studies. 2011. Vol. 44. P. 221–232.
7. Moser M. Language Policy and Discourse on Languages in Ukraine under President Viktor Yanukovich (25 February 2010 — 28 October 2012). Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 123. Stuttgart, 2013.
8. Umland A. Teaching Social Sciences at a Post-Soviet University: A Survey of Challenges for Visiting Lecturers in the Former USSR // European Political Science. 2005. Vol. 4. № 2. P. 219–229.